

А. В. ВОЛОДЬКО

«НЕПОСТИЖИМАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ НАМИ» МОРИС БЭРИНГ И РОССИЯ

Статья посвящена популярному в конце XIX – начале XX в. британскому литератору, переводчику, журналисту, путешественнику, военному Морису Бэрингу, неоднократно посещавшему Россию, и его «итоговой» книге *The Mainsprings of Russia*, в которой обобщен его многолетний опыт контактов с нашей страной.

Ключевые слова: Морис Бэринг, Россия, история, народ, национальный характер

«Какая непостижимая связь таится между нами?» – этот гоголевский вопрос повторяет Морис Бэринг в начале последней главы своей книги *The Mainsprings of Russia*¹. Несомненно, он имеет в виду Россию и себя самого. Кто же этот человек, и что так сильно влекло его к России?

Морис Бэринг – представитель навсегда ушедших времен, конца XIX – начала XX в.² Этот британец обладал весьма многогранным талантом: он был довольно популярным в свое время литератором, переводчиком, журналистом, путешественником, военным. Бэринг – автор весьма плодовитый: только книг, художественных и публицистических, он написал больше пятидесяти. Впоследствии его литературные произведения вышли из моды, и теперь он почти забыт.

Морис родился в 1874 г., его отец – Эдвард Чарльз Бэринг, барон Ревелстоук, представитель богатейшей и влиятельной банкирской семьи Бэрингов. Морис получил домашнее образование, после чего учился в элитной Итонской школе, затем в Кембриджском и Оксфордском университетах, «не дружил» с точными науками, зато проявил необычайные способности к языкам и к гуманитарным предметам в целом. После Оксфорда Морис выбрал дипломатическую карьеру. Сдав необходимые для государственного служащего экзамены³, он был принят в Форин-офис и получил назначение в британское посольство в Париже. Затем его перевели в посольство в Копенгагене (где он, кстати, быстро выучил датский язык), после этого – в Рим. Однако в 1904 г. Бэринг ушел с дипломатической службы – рутина текущей повседнев-

¹ Baring 1914.

² Первый биографический труд о Морисе Бэринге был написан еще при его жизни композитором Этелью Смит (Smyth 1938). Научную биографию Бэринга и разбор его творчества см. в статье: Horgan 1988. Именно из этого труда заимствованы основные биографические сведения о Морисе Бэринге. О «российской теме» в его литературном и публицистическом творчестве см.: Королева 2016.

³ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

ной работы ему претила. Впрочем, именно непродолжительная дипломатическая карьера и привела его к «роману» с Россией. В Копенгагене Бэринг познакомился с семьей русского посланника графа Александра Константиновича Бенкендорфа (с 1902 г. – посла в Лондоне) и его семьей. Именно это знакомство пробудило у него интерес к России, сохранившийся до конца дней. Вот что говорит об отношениях Бэринга с Бенкендорфами известная писательница-эмигрантка Нина Берберова:

«Бэринг [так она пишет его фамилию] – фигура замечательная, какая могла появиться только в Англии, и только в устойчивом мире начала XX века. Его все любили, и он всех любил; он бывал всюду, и все его знали. Семейство русского посла, Александра Константиновича [Бенкендорфа], он попросту обожал, и не только самого посла... и графиню Софью, и их взрослых сыновей, Константина и Петра, но и брата посла, графа Павла Константиновича, гофмаршала и министра двора» (Впоследствии именно Бэринг переведет мемуары Павла Бенкендорфа на английский). «Бэринг обожал и всех домочадцев Бенкендорфа, начиная с домоправителя и повара (француза, конечно) до собак охотничьих, сторожевых и комнатных. Самым счастливым временем своей жизни он всю жизнь считал то лето в Сосновке, имении Бенкендорфов в Тамбовской губернии, куда он поехал и где он был обласкан, как ближайший друг и член семьи»⁴.

Благодаря своим лингвистическим способностям Бэринг без труда освоил русский язык, и, когда устроился в газету *Morning Post*, редакция отправила его военным корреспондентом в Манчжурию, на фронт Русско-японской войны. Там, как пишет Бэринг, он, общаясь с солдатами, проникся особой любовью к русскому крестьянину – ведь солдаты были в основном выходцами из крестьян. Итогом этой длительной командировки стала его первая книга о России «С русскими в Манчжурии»⁵. Следующие несколько лет Бэринг большую часть времени проводит в России в качестве корреспондента. Он стал свидетелем революции 1905 г., много путешествовал по стране, зачастую в вагонах третьего класса, чтобы иметь возможность общаться с простым народом⁶. Бэринг приобрел много знакомых среди российской элиты и в либеральных политических кругах. Одна за другой выходят его публицистические книги: «Год в России»⁷ – в основном о событиях 1905 г. и работе только что созданной Государственной Думы; сборник его статей для *Morning Post* «Статьи и рассказы о России»; «Русский народ»⁸.

В эти же годы в жизни Бэринга произошло еще одно очень важное событие – он, в прошлом агностик, принял католичество. Как он писал

⁴ Берберова 1991. С. 5.

⁵ Baring 1905.

⁶ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

⁷ Baring 1907.

⁸ Baring 1908; 1911.

позднее, «это единственный поступок, о котором могу сказать с уверенностью – я никогда об этом не пожалел»⁹. Вера в Бога играла огромную роль в мировоззрении Бэринга, и это сильно влияло на его отношение к России.

В 1912 г. газета *Times*, с которой он теперь сотрудничал, направляет его корреспондентом в Константинополь и на фронт Балканской войны. Однако Бэринг вновь и вновь возвращается в Россию, а в январе 1914 года привозит туда своего друга, знаменитого писателя Герберта Уэллса. Именно ему Бэринг посвятил свою «итоговую» книгу, где обобщается его многолетний опыт контактов с Россией и ее народом – *The Mainsprings of Russia* (Что движет Россией), над которой он как раз в это время заканчивал работу. Помимо этого, Бэринг опубликовал две работы по истории русской литературы: «Веги русской литературы»¹⁰ и «Очерки русской литературы» (написана в 1914 г., издана в 1915-м)¹¹. В посвящении к *The Mainsprings of Russia* Бэринг написал, что на последней книге о литературе, над которой он тогда работал (кстати, тоже в России), он планирует «закрывать» русскую тему. Именно так и случилось. Началась Первая мировая война, ставшая для него, как и для многих европейцев, веривших в прогресс, полной неожиданностью. После этого Бэринг больше в России не был и книг о ней не писал.

С началом войны Бэринг – он всегда был патриотом – уходит добровольцем в армию, и служит во Франции, в штабе тогда еще небольших британских ВВС, выполняя функции переводчика (он отлично знал французский) и личного помощника командующего – лорда Тренчарда. На этом посту Бэринг, человек абсолютно невоенный (рассказывают, что он даже не мог самостоятельно намотать обмотки, и ему помог знакомый генерал)¹², сыграл немалую роль в превращении небольшого «Летного корпуса» в мощные военно-воздушные силы¹³. После его смерти лорд Тренчард опубликовал открытое письмо-некролог, назвав Бэринга «самым бескорыстным человеком из всех, кого я встречал и, скорее всего, когда-либо встречу. Летный корпус обязан этому человеку куда большим, чем мы осознаем и думаем»¹⁴. За свои военные заслуги Бэринг был удостоен Ордена Британской империи и почетного звания подполковника ВВС.

В 1920–1930-х гг. Бэринг активно занимался литературной деятельностью: написал книгу мемуаров о войне «В штабе Летного корпу-

⁹ Baring 1922. P 395-396.

¹⁰ Baring 1910.

¹¹ Baring 1915.

¹² Horgan 1988. P. 118.

¹³ Who Was Who in Dulwich – Maurice Baring...

¹⁴ Цит. по: Piers 2007.

са, 1914–1918» (вышла в 1920 г.), и автобиографию «Кукольный спектакль памяти»¹⁵, где немало места уделено своему «российскому периоду». Кроме того, он переводил Пушкина и Лермонтова, составлял антологии русской поэзии. Впрочем, наибольшую популярность ему в тот период принесли пьесы и романы, которые этот плодовитый автор публиковал с завидной регулярностью. О его литературном даровании в Британии отзываются по-разному, и даже диаметрально противоположно – некоторые авторы называют его «забытым гигантом английской литературы»¹⁶, другие считают второразрядным писателем.

Бэринг имел обширные знакомства в литературных кругах, но его ближайшими друзьями были два таких же ревностных католика, как и он сам – знаменитый писатель и философ Гилберт Кит Честертон и Хилэйр Беллок¹⁷. Последние годы жизни он уже не мог продолжать активную литературную деятельность из-за обострившейся болезни Паркинсона, и вынужден был жить у друзей в Шотландии, в замке Бофорт. Там же он и скончался 14 декабря 1945 года.

Морис Бэринг относился к тому довольно редкому в Британии типу людей, которых его друг Честертон в своих мемуарах назвал «англичанином-изгнанником, искупающим грехи англичанина-туриста». Честертон имел в виду «людей английской культуры, пылко и тихо преданных какой-нибудь из иноземных культур... Морис Бэринг именно так относится к России. <...> они помогают Англии, не одной Европе, доказывая литовским историкам или португальским географам, что мы не только мошенничаем и кичимся, но толкуем Плутарха и переводим Рабле. Изгнанников этих очень мало, как и любых англичан, разбигающихся что к чему, но они – закваска, и потому незаметны»¹⁸.

Впрочем, в начале XX в. такие «изгнанники», а точнее эксперты-русифилы – помимо Бэринга, можно назвать публициста Стивена Грэхема, журналиста Гарольда Вильямса и историка Бернарда Пэрса, основателя первого в Британии Института российских исследований при Ливерпульском университете, – играли заметную роль в формировании британского общественного мнения, и были «социально востребованы». Еще недавно, в конце XIX в. на отношение британцев к России накладывало отпечаток традиционное геополитическое соперничество двух стран на Востоке и, в частности, знаменитая «Большая игра» – борьба за влияние в Центральной Азии. Настрой в обществе был явно антироссийский – его образно выразил Редьярд Киплинг в известном стихотворении «Мировая с медведем» (1898), где рассказывается, как

¹⁵ Baring 1922.

¹⁶ Burns, Baring 2016.

¹⁷ Подробнее об этом «триумvirате» см.: Pearce 2010.

¹⁸ Chesterton 2016.

медведь, попав на мушку к охотнику, притворно вызвал у него жалость, а затем напал и искалечил. Бедняге только и остается, что предупредить других: «Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы»¹⁹. Кого Киплинг называл Медведем – очевидно, как очевидно и то, что русские в этом стихотворении – «другие», похожие на европейцев только внешне («ходит, как мы»), и доверять им никак нельзя. А персонаж из романа того же Киплинга «Ким», говорит о Большой игре так: «Кажда все умрут, тогда только кончится Большая Игра. Не раньше»²⁰. Иными словами, Россия – вечная соперница Британии.

Однако в первые годы XX в. ситуация начала меняться. «Большая игра» стала сходить на нет в условиях сближения двух стран перед лицом общей опасности со стороны нового международного конкурента – набирающей силу Германской империи. В 1907 г. русско-британское соглашение завершило формирование Антанты – англо-франко-русского военно-политического блока, направленного против Германии. В новой обстановке у британцев пробудился интерес к России, оживились культурные контакты, о которых Бэринг тоже упоминает в авторском предисловии²¹. И политическому руководству, и общественности требовалось больше знаний о новой союзнице, вокруг которой, как отмечает Бэринг (гл. 11), в Англии «в прошлом было столько предрассудков, о которой рассказывалось столько небылиц»²². (Неслучайно именно в это время британская разведка начинает активно отправлять в Россию литераторов с задачей сбора информации – из них наибольшую известность приобрел Сомерсет Моэм)²³. Бэринг с разведкой связан, судя по всему, не был: его «роман» с Россией начался раньше британско-русского сближения, и был обусловлен личными симпатиями, а не каким-либо «социальным заказом». Но в сложившихся условиях он считал самой актуальной своей задачей «пробудить в других тот интерес, что испытываю я сам».

В этом смысле книга *The Mainsprings of Russia* имеет особое значение, потому что она стала итоговым трудом Бэринга на русскую тему, в ней он делится всеми накопленными за десять с лишним лет мыслями и впечатлениями. Это не путевые заметки, не перепечатка газетных статей, а своеобразная смесь публицистического, научно-популярного и справочного жанра: помимо своих наблюдений о русском характере, Бэринг кратко знакомит английского читателя с историей России, некоторыми классами и слоями общества (крестьянством, дворянством,

¹⁹ Киплинг 1989. С. 267-268.

²⁰ Киплинг 2007. С. 445.

²¹ Baring 1914. P. 7-10.

²² Ibid. P. 322.

²³ Popplewell 1995. P. 230.

интеллигенцией), структурой госаппарата, системой образования, правосудия, православной церковью. Впрочем, многие весьма важные аспекты жизни страны – это прежде всего экономика и вооруженные силы – он оставляет за скобками, ссылаясь либо на обширность темы для сравнительно небольшой книги или на недостаточное знание предмета. Пожалуй, Бэринг здесь отчасти лукавит, ведь о российской государственной машине, судебной системе, православной церкви и образовании он дает весьма подробные и довольно точные сведения. Скорее всего, эти «скучные материи» попросту меньше интересовали гуманитария Бэринга. Равным образом он ничего не говорит и о современной внешней политике Российской империи: как мы помним, дипломатия тоже оказалась не его «коньком».

Начинает Бэринг с краткого очерка истории России, хотя и признает: «всякий раз, когда я открываю книгу, которая начинается с исторического экскурса, у меня возникает ощущение, что долг читателя – пропустить эту главу». Тем не менее, «ради обычного читателя» он проясняет «буквально несколько» исторических фактов, которые, по его мнению, «проливают свет на любую попытку объяснить любые аспекты русской жизни»²⁴. Книга Бэринга – отнюдь не учебник по русской истории: что-то он упрощает, где-то допускает неточности, а некоторые пассажи, призванные развеять заблуждения британцев, российскому читателю могут показаться удивительными. Так, он довольно пространно доказывает, что русские и татары – не одно и то же. Тем не менее, основные черты исторического развития России он схватывает верно, и лейтмотивом всего «экскурса» является мысль, прямо противоположная тезису Киплинга – Россия не чужда Европе, это не медведь, который только «ходит, как мы», а ее неотъемлемая часть. Более того, указывает Бэринг, Россия не раз оказывала последние важные «услуги». Так, ценой трехсотлетней «паузы» в собственном развитии она «спасла Западную Европу от опустошения ордами варваров» – монголо-татар, а затем «сломила могущество Наполеона»²⁵.

Весьма интересен анализ реформ Петра Великого. Дав весьма высокую оценку преобразованиям и личности императора, который «вернул России ее законное место среди европейских стран – место, которое она занимала в XI в., но утратила из-за монгольского нашествия», и «вел Россию по естественному руслу ее поприща», Бэринг в то же время отмечает, что его методы «обернулись и прискорбными результатами, до сих пор заметными в действии российской государственной машины и характере многих российских учреждений»²⁶. Чуть позже он

²⁴ Baring 1914. P. 16.

²⁵ Ibid. P. 20, 22.

²⁶ Ibid. P. 21-22.

раскрывает эту мысль, которая станет одним из лейтмотивов книги: реформы Петра и Екатерины Второй, проводившиеся «сверху» привели к появлению в стране «гигантского бюрократического аппарата»²⁷. Реформам Александра II Бэринг также уделяет большое внимание, ставя на первое место по значению отмену крепостного права – «акт государственной экспроприации» помещичьих земель, в результате которого крестьянину «был возвращен земельный надел, который он считал своим по праву»²⁸. Второй же по важности Бэринг, как истый британец, придающий важное значение праву, считает судебную реформу 1864 года, ликвидацию сословных судов и «новую систему судопроизводства, основанную на идеях, принятых современной цивилизацией и в теории, и на практике», которая «действует по-настоящему успешно»²⁹, а также создание независимой адвокатуры – «превосходного» института, «которым могла бы по праву гордиться любая страна мира»³⁰.

Переходя к недавним событиям, которым он сам был свидетелем во время поездок по России, Бэринг, как уже упоминалось, обрисовывает экономическую ситуацию в стране буквально в двух словах, ограничиваясь фразой: «Пожалуй, никогда прежде в России не было такого уровня материального благосостояния»³¹. В главе о крестьянстве он, отмечая бедность русского крестьянина в качестве фактора, тормозящего развитие, тем не менее, констатирует, что положение в аграрном секторе меняется к лучшему: у крестьян появляются капиталы и – за счет открытия сельскохозяйственных школ и помощи земских агрономов – возможности овладеть современными методами агротехники. Отвергая утверждения о косности и отсталости русского крестьянства, он отмечает: «Когда крестьянин будет иметь достаточно капитала и знаний (а такая перспектива, судя по всему, отнюдь не утопия), чтобы конкурировать с помещиком, обрабатывающим собственную землю, он попросту постепенно вытеснит последнего»³².

Действительно, с конца первого десятилетия XX века Россия, пережив после первого этапа промышленной революции период длительной депрессии, вызванный мировым экономическим кризисом 1900–1903 гг., Русско-японской войной и революционными потрясениями 1905–1907 гг., вступила в новый этап бурного экономического роста³³. В 1910–1913 гг. она занимала первое место в мире по темпам роста

²⁷ Ibid. P. 28.

²⁸ Ibid. P. 33.

²⁹ Ibid. P. 297.

³⁰ Ibid. P. 298.

³¹ Ibid. P. 129.

³² Ibid. P. 68.

³³ См.: История России. Ч. II. 1994; Анфимов 1994; Ковальченко 1991.

национального дохода (так в то время назывался ВВП) и концентрации промышленности (впрочем, этот показатель – палка о двух концах, ведь он оборачивается высокой монополизацией экономики), по объему промышленного производства вышла на пятое место в мире, а по валовому объему национального дохода занимала четвертое место – после США, Германии и Британской империи. В области производства сельхозпродукции она, наряду с США, занимала ведущие позиции в мире, а по ее экспорту находилась на первом месте. Такие высокие показатели обуславливались положением «догоняющего» в сфере модернизации – Россия вступила на этот путь позже великих европейских держав и Соединенных Штатов, – а также притоком иностранных инвестиций, активными стимулирующими мерами государства, преобразованиями на селе в результате аграрной реформы П.А. Столыпина. Однако масштабы этого «экономического чуда» не следует и преувеличивать. Накануне Первой мировой войны модернизация была далеко не завершена. Россия еще оставалась аграрно-индустриальной страной. По объему ВВП на душу населения, производительности труда и урожайности в сельском хозяйстве Россия сильно отставала от передовых стран того времени. Все это сказалось на положении России в условиях военного времени, а дальнейшее развитие экономики было прервано революционными потрясениями 1917 года.

Куда больше внимания Бэринг уделяет политической ситуации в России, которую он трактует в соответствии со своими умеренно-либеральными взглядами: он не принимает как политическую реакцию, так и революционный радикализм. Отдавая должное бескорыстию и самопожертвованию русских революционеров, он крайне отрицательно характеризует события 1905–1907 гг., отказывая им даже в названии «революция». Это «революционное движение», как выражается Бэринг, «оказало на население разрушительное, аморальное воздействие: оно породило в низших классах волну хулиганства, а в образованных классах – тенденцию к анархическому мышлению и поведению»³⁴. В конечном итоге разгул насилия и преступности, по его мнению, привел к тому, что основная масса населения («типичные русские») отказала революционерам в поддержке. Стабилизировать ситуацию помогла и политика П.А. Столыпина, на плечи которого «легла неблагодарная задача восстановления порядка в стране». И хотя теоретически его репрессивным мерам, по словам Бэринга, «нет оправданий», он делает оговорку: «справедливости ради следует заметить: иначе как суровыми методами восстановить порядок скорее всего было бы невозможно»³⁵.

³⁴ Baring 1914. P. 153.

³⁵ Ibid. P. 131-132.

Тем не менее, несмотря на наступившее успокоение и экономический рост – в истории России не найти периода, «когда у подавляющего большинства народа было бы меньше поводов для недовольства» – «безошибочные признаки недовольства в стране налицо»³⁶. Главная его причина, по мнению Бэринга, незавершенность, половинчатость политических реформ 1905–1906 гг. Государственное устройство России так и не стало конституционным: его можно назвать лишь «ограниченной абсолютной монархией, или самодержавием, косвенно ограниченным из-за существования законодательных учреждений». Поэтому принципы государственного управления России «на бумаге... производят превосходное впечатление», но «на практике политической свободы в России все еще нет, а политические гражданские права по-прежнему остаются несбыточной мечтой». «Беда в том, – отмечает Бэринг, – что правительство и государственный аппарат не могут идти нога в ногу с национальным прогрессом», преобразования все еще носят частичный характер, а на практике правительство по-прежнему одной рукой отбирает, урезает и ограничивает то, что оно же дает другой рукой»³⁷.

При всей справедливости этих критических замечаний в адрес консервативной российской власти, не готовой к резким переменам, представляется, что Бэринг несколько сгущает краски, возможно под влиянием высоких ожиданий своих друзей и знакомых в российских либеральных кругах, или отражая превалирующую на Западе (причем не только в ту эпоху) позицию: Россия должна реформироваться по западным образцам немедленно, а всего, что реально делается, недостаточно – политическая система меняется слишком мало и слишком медленно. Политический строй, сформировавшийся в результате преобразований, проведенных в начале XX в., действительно носил переходный характер, а реформы не были завершены. Тем не менее, эти реформы были уже необратимы, российский народ обрел беспрецедентные в истории страны политические права и свободы, и не только в теории, но и на практике. Дума, хотя власти различными манипуляциями обеспечивали там проправительственное большинство, постепенно превращалась в работоспособный парламент, свобода печати, хотя и стеснялась, все же существовала, происходил бурный рост политических партий, в том числе оппозиционных и радикальных.

Однако острая критика Бэринга в адрес властей, судя по всему, связана и с тревогой за судьбу столь любимой им России, с его неприятием революционных потрясений и поддержкой мирного, эволюционного пути развития. Беспокойство из-за хрупкости воцарившейся в стране стабильности после «революционного движения» 1905–1907 гг.,

³⁶ Ibid. P. 129.

³⁷ Ibid. P. 132.

проявляется, в частности, в такой его фразе: «Пока “сверху” не будет что-то сделано, чтобы исправить такое положение вещей, тлеющие угли недовольства, как я уже говорил, никогда не остынут, и в конечном итоге могут вызвать пожар весьма тревожного масштаба»³⁸. Эту мысль в разных формулировках неоднократно повторяется в книге, и со справедливостью подобных предостережений трудно поспорить.

Впрочем, в сложившейся ситуации Бэринг винит не только правящую верхушку. В главе о русской интеллигенции, в недрах которой зародилось революционное движение, и которая приобрела после создания Думы большое политическое влияние, он отмечает присущие этому «среднему классу», и прежде всего его наиболее многочисленной «полуобразованной» части, тем, кто «быстро, но поверхностно впитал идеи, витающие в воздухе по всей Европе», мировоззренческие изъяны – прежде всего поверхностный атеизм и религиозный «индифферентизм». «Быстро усвоенные знания «обо всем понемножку» оказались опасными: они порождают в голове человека «винегрет» из незрелой философии и поверхностного нигилизма, превращающийся в навсегда застывшие догмы». Эти полуобразованные интеллигенты «не взрослеют интеллектуально. Они достигают стадии бунтарского и разрушительного отрицания, и на этом останавливаются». Единственно возможные политические доктрины для них – это социализм или анархизм. «Если кто-то не является социалистом или анархистом, он – черносотенец, реакционер. Любой образованный человек, который верит в Бога и ходит в церковь, в глазах полуобразованных тоже черносотенец – фанатик, антисемит, обскурант»³⁹. Таким образом, консервативные власти и радикальная интеллигенция находятся в постоянном конфликте, с двух сторон «раскачивая лодку».

Радикализму и атеизму «полуобразованных» интеллигентов Бэринг противопоставляет мировоззрение крестьян, главная черта которого – глубокая религиозность, основанная «на здравом смысле». Именно здравый смысл, по его мнению, помешал крестьянам попросту захватить помещичьи земли в 1905 г.: они «смутно осознавали или «нутром чуюли», что единственным непосредственным результатом такого захвата будет повальная анархия». Природное здравомыслие подсказало крестьянину, «что настаивать следует на частичной продаже земли, арендуемой у помещиков, и пока удовлетвориться этим»⁴⁰.

Однако политика – все же не главное в книге Бэринга. В центре его повествования – русский человек, его национальный характер. Россия, пишет он, не состоит «исключительно из нигилистов и полицей-

³⁸ Ibid. P. 154.

³⁹ Ibid. P. 197.

⁴⁰ Ibid. P. 69-70.

ских», как можно было бы подумать, знакомясь с ее жизнью по статьям западной прессы. Это и не страна «сплошного уныния», как может показаться западному читателю по произведениям русской литературы. Иностранца, приехавшего в Россию, поражает прежде всего «жизнерадостность ее народа и незлобивый юмор простых людей». У русской жизни есть и «не просто приятная, но необычайно светлая сторона – та «светлая душа», о которой говорит русский поэт». Типичный русский, по его мнению, «образован, жизнерадостен, общителен, необычайно дружелюбен, гостеприимен, разговорчив, экспансивен, добродушен и доброжелателен. В России вы часто слышите такое определение русского характера – “широкая натура”. Это означает, что русский щедр, безудержен, незаносчив и добр. Потрясающее качество типичного русского – добродушие и даже великодушие»⁴¹.

Именно с характером русского человека связан главный политический тезис Бэринга: «типичный русский... – не герой, не гений, не подлец и не эстет. Но в конечном итоге именно его мнение имеет значение. Без его согласия и помощи никакие великие перемены в истории России были бы невозможны»⁴². Именно это «молчаливое большинство» сначала присоединилось к революционным требованиям и добились реформ, а затем, ужаснувшись наступившему в стране хаосу, отвернулось от революционеров. Поэтому «торжество политической свободы в России будет зависеть не от динамита и самопожертвования революционеров... и не от действий государственных мужей, ...а от воли и желания среднего человека. В тот день, когда средний человек по настоящему возжелает политической свободы, он ее получит»⁴³. Естественно, Бэринг здесь имеет в виду мирный, реформаторский путь.

В последней главе с красноречивым названием «Очарование России» Бэринг подводит итог высказанному в книге. Он говорит о скромном обаянии русской природы, прелести русской народной песни, а затем использует любопытный прием: от имени воображаемого «адвоката дьявола» приводит длинный перечень недостатков и изъянов русской жизни, русского характера, политического устройства, какими их видит человек с Запада. Стоит отметить, что в российской публицистике это «обвинительное заключение» часто преподносится как позиция самого Бэринга. Но это не так. Часть этих обвинений, поясняет он, полностью несправедлива, часть справедлива с большими оговорками, и лишь некоторые соответствуют действительности. Впрочем, главное для Бэринга – не разбор конкретных упреков. Он предлагает дать «адвокату дьявола» такой ответ: «Я все это знаю, и вы при желании могли

⁴¹ Ibid. P. 162.

⁴² Ibid. P. 176.

⁴³ Ibid. P. 181.

бы привести еще более веские аргументы. Я все это признаю, но, несмотря на это, а порой даже именно из-за этого Россия обладает для меня неизъяснимым очарованием. Несмотря на все, что вы сказали, я люблю эту страну, с восхищением и уважением отношусь к ее народу»⁴⁴. Таково его собственное отношение к России: он ее не идеализирует (разве что немного), а просто любит: «Я вижу в ней бесчисленное множество изъянов и недостатков», но в то же время «осознал и испытал на себе следствия других качеств и добродетелей, на мой взгляд, более значимых и важных, чем все возможные изъяны вместе взятые, и таких качеств неизмеримо больше. В результате всего этого Россия обладает для меня неодолимым очарованием, а ее народ – невыразимой привлекательностью»⁴⁵. И секрет этого очарования для Бэринга кроется в том, что «русская душа полна человеческого христианского милосердия, более теплого и глубокого, выражаемого с большей простотой и искренностью, чем все, с чем мне приходилось сталкиваться в других народах и странах»⁴⁶. Не желая показаться наивным, создать впечатление, что «восхищаясь их душевными качествами, я прохожу мимо их разума, или подразумеваю отсутствие у них твердости, решительности и практичности... будто я внушаю им: «Будьте добрыми, милыми детьми. Остальное оставьте тем, кто поумнее», он указывает, что русские, несомненно, умны, но «еще и добры, и их доброта даже важнее их ума, поскольку доброта вообще – более редкое и ценное качество, чем ум»⁴⁷.

В настоящее время впервые книга *The Mainsprings of Russia* (Что движет Россией) готовится к печати на русском языке, и российский читатель сможет познакомиться с глубокими мыслями и наблюдениями необычайно эрудированного и доброжелательного британского писателя-путешественника о весьма важном периоде истории России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах (опыт подтверждения и опровержения) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 58-76.
Берберова Н.Н. Железная женщина. М.: «Книжная палата», 1991. 316 с.
Грищенко Н.А. М. Бэринг о России // Современные исследования социальных проблем, 2017. № 3. С. 268-276.
История России. Ч. II. Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX в.) // Ред. В.П. Дмитренко М.: Институт российской истории РАН, 1994. 240 с.
Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1989.
Киплинг Р. Маугли. Сказки старой Англии. Ким. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2007.
Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа; мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52-72.

⁴⁴Ibid. P. 316.

⁴⁵Ibid. P. 317.

⁴⁶Ibid. P. 318.

⁴⁷Ibid. P. 325.

- Королева С.Б. В поисках настоящей России (сложный выбор Мориса Бэринга) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 68-90.
- Супрун Т.Н. Английские русофилы на рубеже XIX-XX веков. Англичане с русской душой // Виноград, 2007. № 1(17). URL.: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Baring M. With the Russians in Manchuria. L.: Methuen & Company, 1905. 266 p.
- Baring M. A Year in Russia. L.: Methuen, 1907. 319 p.
- Baring M. Russian Essays and Stories. L.: Methuen, 1908. 295 p.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. L.:Methuen & co, 1910. 299 p.
- Baring M. The Russian People. L.:Methuen & Company, Limited, 1911. 366 p.
- Baring M. The Mainsprings of Russia. L.: Thomas Nelson & Sons, 1914. 328 p.
- Baring M. An Outline of the Russian Literature. L.: Williams, 1915. 274 p.
- Baring M. The Puppet Show of Memory. L.: W. Heinemann, 1922. 475 p.
- Burns J., Baring M. The Forgotten Giant of English Letters// Posted on June 6, 2016. URL: <https://johnjburnslibrary.wordpress.com/2016/06/06/maurice-baring-the-forgotten-giant-of-english-letters/>
- Chesterton G.K. Autobiography. Adelaide: The University of Adelaide, 2016. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/c/chesterton/gk/autobiography/chapter15.html>.
- Horgan P. Maurice Baring Reconsidered, A Certain Climate. Essays in History, Arts and Letters. Middletown (Conn.): Weslean University Press , 1988. P. 107-141.
- Letley E. Maurice Baring: A Citizen of Europe. L.: Constable, 1991. 269 p.
- Pearce J. Maurice Baring, In the Shadow of the Chesterbelloc. CatholiCity, 24 July 2010. URL: <http://www.catholicity.com/commentary/pearce/08500.html>.
- Piers P.R. What's become of Baring? // The Spectator. 10 October, 2007. URL: <https://www.spectator.co.uk/2007/10/whats-become-of-baring>.
- Popplewell, Richard J., Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire 1904–1924. L.: Routledge, 1995. 364 p.
- Schenkel E. To Russia with love: Maurice Baring (1974–1945) // Facing the East in the West: Images of Eastern Europe in British literature. N.Y., Amsterdam, 2010. P. 85-95.
- Smyth E. Maurice Baring. L.: Heinemann, 1938. 348 p.
- Who Was Who in Dulwich: Maurice Baring by Brian Green, publ. 01 January 2017. URL: <http://www.dulwichsociety.com/2016-winter/1438-who-was-who-in-dulwich-maurice-baring-by-brian-green>.

REFERENCES

- Anfimov A.M, Tsarstvovaniye imperatora Nikolaya II v tsifrakh i faktakh (opyt podtverzheniya i oproverzheniya) //Otechestvennaya istoriya, 1994. № 3. S. 58-76.
- Berberova N.N. Zheleznyaya zhenshchina. M., «Knizhnaya palata», 1991. 316 p.
- Grishchenko N.A. M.Bering o Rossii// Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem, 2017. № 3. S. 268-276.
- Istoriya Rossii. CH. II. Rastsvet i zakat Rossiyskoy imperii (XIX – nachalo XX vv.)// Red. Dmitrenko V.P. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 1994. 240 c.
- Kipling R. Rasskazy. Stikhotvoreniya. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
- Kipling R. Maugli. Skazki staroy Anglii. Kim, M., OLMA-PRESS, 2007.
- Koval'chenko I. L. Stolypinskaya agrarnaya reforma; mify i real'nost' // Istoriya SSSR. M., 1991. № 2. S. 52-72.
- Koroleva S.B. V poiskakh nastoyashchey Rossii (slozhnyy vybor Morisa Beringa) // Imagologiya i komparativistika. 2016. № 2(6). S. 68-90.
- Suprun T.N. Angliyskiye rusofily na rubezhe XIX-XX vekov. Anglichane s russkoy dushoy // Vinograd, 2007. № 1(17). URL.: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Baring M. With the Russians in Manchuria. L.: Methuen & Company, 1905. 266 p.
- Baring M. A Year in Russia. L.: Methuen, 1907. 319 p.
- Baring M. Russian Essays and Stories. L.: Methuen, 1908. 295 p.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. L.:Methuen & co, 1910. 299 p.
- Baring M. The Russian People. L.: Methuen & Company, Ltd., 1911. 366 p.
- Baring M. The Mainsprings of Russia. L.: Thomas Nelson & Sons, 1914. 328 p.

- Baring M. An Outline of the Russian Literature. L.: Williams, 1915. 274 p.
- Baring M. The Puppet Show of Memory. L.: W. Heinemann, 1922. 475 p.
- Burns J., Baring M. The Forgotten Giant of English Letters // Posted on June 6, 2016. URL: <https://johnjburnslibrary.wordpress.com/2016/06/06/maurice-baring-the-forgotten-giant-of-english-letters/>
- Chesterton G.K. Autobiography. Adelaide: The University of Adelaide, 2016. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/c/chesterton/gk/autobiography/chapter15.html>
- Horgan P. Maurice Baring Reconsidered, A Certain Climate. Essays in History, Arts and Letters. Middletown (Connecticut): Wesleyan University Press, 1988. P. 107-141.
- Letley E. Maurice Baring: A Citizen of Europe. L.: Constable, 1991. 269 p.
- Pearce J. Maurice Baring, In the Shadow of the Chesterbelloc. CatholiCity, 24 July 2010. URL: <http://www.catholicity.com/commentary/pearce/08500.html>.
- Piers P.R. What's become of Baring? // The Spectator, 10 October, 2007. URL: <https://www.spectator.co.uk/2007/10/whats-become-of-baring>
- Popplewell, Richard J. Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence of the Indian Empire 1904–1924. L.: Routledge, 1995. 364 p.
- Schenkel E. To Russia with love: Maurice Baring (1874–1945) // Facing the East in the West: Images of Eastern Europe in British literature. N. Y., Amsterdam, 2010. P. 85-95.
- Smyth E. Maurice Baring. L.: Heinemann, 1938. 348 p.
- Who Was Who in Dulwich - Maurice Baring By Brian Green, publ. 01 January 2017. URL: <http://www.dulwichsociety.com/2016-winter/1438-who-was-who-in-dulwich-maurice-baring-by-brian-green>.

Володько Анна Вячеславовна, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; avolodko@inbox.ru

"The inscrutable power between us" - Maurice Baring and Russia

The article is devoted to Maurice Baring, a British writer, translator, journalist, traveler, military man, popular in the late 19th – early 20th century, who visited Russia repeatedly, and is focused on his “final” book *The Mainsprings of Russia*, which summarizes his long experience of contacts with our country.

Keywords: Maurice Baring, Russia, history, people, Russian national character.

Anna Volodko, researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: avolodko@inbox.ru